

**ПРОБЛЕМА СЛЕДОВАНИЯ ПРАВИЛУ:
ПОИСКИ ПРЯМОГО РЕШЕНИЯ***

B.A. Ладов

Экспозиция проблемы

Проблема следования правилу была сформулирована Л. Витгенштейном в § 201 «Философских исследований»: «...Правило не может определить никакого способа действия, ибо любой способ можно привести в соответствие с этим правилом. ...Если любое действие можно согласовать с правилом, то любое действие можно сделать и противоречащим ему. Следовательно, тут не будет ни соответствия, ни противоречия» [1].

Можем ли мы отдать себе отчет в том, в соответствии с каким правилом употребляем в нашей речи то ли иное выражение? Содержит ли значение нашего выражения эксплицитное правило его употребления? Витгенштейн отрицательно ответил на этот вопрос, сформулировав, по словам С. Крипке, «...Наиболее радикальную и оригинальную скептическую проблему, с которой сталкивалась философия» [2].

Упомянутому американскому логику удалось, кстати сказать, одна из наиболее внятных и интригующих интерпретаций проблемы следования правилу, после опубликования которой [3] дискуссии вокруг идей позднего Витгенштейна в аналитической философии вспыхнули с новой силой. Крипке предложил проэкзаменовать на предмет ясности высказываний, пожалуй, самый претенциозный язык – язык математики. Задача состояла в том, чтобы проверить, способен ли претендующий на наибольшую строгость в обозначениях язык математики преодолеть витгенштейновское сомнение. Если бы ответ оказался положительным, то можно было бы показать границы скептизма; если же был бы получен отрицательный ответ, то скептический тезис относительно следования правилу

* Статья написана при поддержке РФФИ. Грант № 04-06-80357а.

можно было бы автоматически распространить и на все менее строгие виды употребления языка.

Оригинальность аргументации, предложенной Кripке, состояла во введении своеобразных дефект-правил (сам Кripке не употребляет такого термина, но его можно встретить в работах, комментирующих уже «крипкевского» Витгенштейна) [4]. Предположим, перед нами стоит задача произвести сложение двух десятичных чисел 68 и 57. Очевидно, что ответом, который мы получим в результате арифметического действия, будет число 125. Однако здесь у Кripке появляется скептик и спрашивает: почему вы уверены, что ответ 5 как результат суммы 68 и 57 будет неправильным? Ответ 125 был результатом операции сложения, однако, возможно, что под знаком «+» в выражении «68+57» подразумевается вовсе не плюс, а квус. Квус, или квожение, – это специфическое дефект-правило, которое формулируется следующим образом: производи с десятичными числами те же самые манипуляции, что и в случае операции сложения, но когда один из операндов окажется равным или большим 57, в ответе всегда выдавай 5. Уверены ли мы в таком случае, что в выражении «2+2=4» знак «+» указывает на плюс, а не на квус? Очевидно, что знак «+» в последнем примере будет указывать, по определению, сразу на два значения, которые на данном участке числового ряда не различаются между собой. Мы же будем тешить себя иллюзией, что употребляем знак «+» строго в значении сложения, хотя никаких рациональных аргументов в защиту нашей веры привести не сможем. Если это так, то мы уже не сможем решительно заявлять о нашей ошибке в случае выражения «68+57=5», ибо, возможно, мы и ранее употребляли знак «+» в значении «квус» и просто не отдавали себе в этом отчета. На основе наших предыдущих употреблений знака невозможно однозначно прогнозировать его будущие употребления, ибо прошлые употребления уже содержали в себе бесконечное количество значений в качестве правил употребления. Если, продуцируя выражение «2+2=4», мы под знаком «+» могли подразумевать все что угодно, то это равносильно тому, что мы не подразумевали под ним ничего.

Варианты решения: прямое и скептическое

Такова проблема: если значение выражения должно содержать в себе правило его употребления, то значение не есть факт, мы не можем обнаружить ничего, что мы могли бы недвусмысленным образом связать с определенным знаком. Следует подчеркнуть радикальность данного скепсиса. Проблема даже не в том, что у нас нет надежных путей интерпретации

чужой речи (что утверждает, например, У. Куайн в своей теории неопределенности радикального перевода [5]), – проблема в том, что даже на уровне субъективности я не могу отдать себе отчет о значениях выражений своего языка.

С. Крипке выделил два возможных варианта решения данной проблемы (хотя насчет авторства такой интерпретации среди философов-аналитиков не утихают споры [6].

Прямое решение проблемы следования правилу заключалось бы в том, что мы признаем тезис скептика о радикальной неопределенности значения ошибочным и приведем представим некую сумму весомых контраргументов, прозволяющих его опровергнуть. Крипке вполне уместно приводит здесь пример с теорией сомнения Декарта [7]. Декарт действительно дал прямое решение своей проблемы. Его скептик утверждал, что невозможно найти основания для твердого, незыблемого знания, все можно поставить под сомнение. На это Декарт ответил теорией *cogito*, которая гласила, что мы способны иметь необходимо истинное знание, заключающееся в суждении «*cogito ergo sum*». Таким образом, французский мыслитель сначала выдвинул скептические аргументы, а потом представил их опровержение.

Скептическое решение обсуждаемой проблемы основывается на неопровергимости скептических аргументов. Скептик прав: значение не есть факт, и мы на самом деле не можем отдать себе отчет о значениях выражений своего языка. Однако вслед за этой уступкой скептику признается, что сама проблема выглядит катастрофичной только в том случае, если принимается наивная трактовка функционирования языка. Если признать, что слова языка должны иметь стационарные объективные значения, то проблема следования правилу действительно должна ставить под сомнение саму возможность функционирования языка, а значит, в соответствии с идеей лингвистического поворота, и познания в целом.

Скептическое решение – это попытка пересмотра основополагающих взглядов на сущность языка как такового. Слова языка вообще не предназначены для того, чтобы указывать на какие-либо устойчивые образования, данные субъекту в качестве фактов. Функция языка состоит в обеспечении успешной коммуникации между членами сообщества в процессе совместной деятельности. Познание значения сводится к освоению легитимного употребления того или иного выражения для большинства членов сообщества. Следствием такой установки оказывается постулируемый Крипке переход от условий истинности в понимании значения выражения к условиям утверждаемости [8]. Значением выражения является не тот

устойчивый объективный факт, благодаря которому это выражение истинно, а лишь факт легитимной утверждаемости данного выражения в качестве истинного в том или ином сообществе. Выражение «Джонс подразумевает под “+” плюс» невозможно верифицировать как истинное или ложное, если заниматься поиском объективного факта, ибо скептик прав: под «+» можно подразумевать все что угодно. Но это выражение можно считать истинным в смысле всеобщего признания его правильности.

Следовательно, рассмотренный выше скептический тезис Витгенштейна не разрушает язык, ибо для того чтобы пользоваться языком, нам вообще не нужно усвоение каких-то устойчивых объективных сущностей в качестве значений слов. Таково скептическое решение проблемы следования правилу, предложенное, по свидетельству Крипке, Витгенштейном: скептик прав, но мы не должны выглядеть озадаченными данным обстоятельством.

Эпистемическая несостоятельность скептического решения

Скептическое решение, предложенное Крипке, – вовсе не гром среди ясного неба. Рефлексия над культурно-историческими основаниями научных парадигм, познания, мировоззрения в целом – это идея-фикс всей современной (и как часто говорят неклассической) философии. Любая форма познания, любой багаж накопленных знаний признаются локальными, зависимыми от фундаментальных предпосылок той или иной культуры, традиции, психологии, языка. Утверждается, что не может быть истинного, объективного видения мира. Всякий взгляд, всякое суждение эпистемически равноправны с другими, они представляют собой только аспекты видения, зависимые от определяющих парадигм, концептуальных каркасов, вырвавшиеся за пределы которых у субъекта познания нет никакой возможности.

Столь модные в континентальной философии тенденции мысли (поздняя феноменология Э. Гуссерля, герменевтика Г.Г. Гадамера, философия культуры О. Шпенглера, структуралистская философия М. Фуко, де-конструкция Ж. Деррида и др.) задали умонастроение всей современной эпохи. К сожалению, и аналитической философии не удалось удержаться от того, чтобы принять соблазнительный в своей авторитетности образ рефлексирующего культуролога. И новые релятивистские тезисы в философии языка, продуцированные в середине ХХ в. У. Куайном, Н. Гудменом, П. Грайсом и, конечно же, Л. Витгенштейном, по общему признанию, характеризуют переход от ранней аналитической традиции к поздней,

переход, о котором родоначальник аналитической философии Б. Рассел высказался с нескрываемым пренебрежением: «...Если она (теория значения позднего Витгенштейна, – В. Л.) истинна, то философия есть в лучшем случае слабая помощь составителям словарей, а в худшем, праздная болтовня за чашкой чая» [9].

Рассел был не прав, но не в отношении «праздной болтовни» позднего Витгенштейна, а в отношении возможного допущения истинности его теории значения. Главная претензия к этой теории, впрочем, как и к любому виду культурно-релятивистских концепций, состоит в том, что они не могут быть ни истинными, ни ложными, – они логически противоречивы и эпистемически невозможны.

Когда Крипке дает скептическое решение проблемы следования правилу посредством постулирования перехода от условиеистинностной концепции значения к концепции значения, формируемого на основе условий утверждаемости выражения, он сам делает это заключение в рамках условиеистинностной концепции. Крипке объявляет нам: вот так и обстоят дела со значением знака; язык работает так, что он не нуждается в опоре на факты мира в качестве значений выражений, значения можно формировать посредством консенсуса в отношении утверждаемости правильности употребления выражения в том или ином сообществе. Здесь делается попытка дать окончательный ответ на вопрос, что есть значение. Правоту скептического решения Крипке демонстрирует корреспондентно: имеются объективные факты мира, указывающие на то, что значение именно таково. Очевидно, что постулирование этого общего тезиса вступает в противоречие с его собственным содержанием: факты мира таковы, что не существует фактов мира; значение слова «значение» состоит в том факте, что значение не есть факт. То, что Крипке утверждает в качестве решения проблемы следования правилу, должно установить запрет на создание какой-либо теории значения, ибо теория значения всегда должна руководствоваться корреспондентным принципом познания: она стремится ответить на вопрос «что есть значение слова?». Однако содержание скептического решения говорит о том, что получить какой-либо объективный, устойчивый ответ на данный вопрос невозможно.

Логическая противоречивость тезиса Крипке обращала на себя внимание критиков скептического решения. Например, С. Блэкберн язвительно замечает, что, с точки зрения Крипке, «частью истинностных условий любого суждения является то, что вырабатывать их может сообщество (за исключением, разумеется, суждения... об этом суждении)» [10].

Однако, как уже было сказано выше, под данную критику подпадают, конечно же, не только Крипке, не только Витгенштейн, но и в целом позиции релятивизма, антиреализма, скептицизма в познании. В рамках аналитической философии один из самых удачных аргументов, демонстрирующих эпистемическую несостоятельность культурного релятивизма, привела Х. Патнэм в своей работе «Разум, истина и история» [11]. Аргумент вошел в аналитическую традицию под названием «мозги в бочке».

Если мы вообразим такого субъекта познания, которому по определению будет закрыт доступ к объективному миру (пусть это будут мозги в бочке), то отсюда с необходимостью следует, что структура его языка не допускает построения высказываний, имеющих референцию. Способен ли такой субъект продуцировать высказывание «мы – мозги в бочке»? Очевидно, нет. Мозги в бочке устроены так, что не имеют ресурсов для порождения референциальных высказываний. Ситуация, при которой мозги в бочке говорят себе: «Мы – мозги в бочке», – эпистемически невозможна.

Если по отношению к работе Крипке данный аргумент оказывается вполне применимым ввиду академического рационального стиля изложения проблемы американским логиком, то касаемо текстов Витгенштейна дело обстоит сложнее. Последний, прибегая к специальному афористичному стилю рассуждения, пытался настаивать на том, что вообще не предлагает какого-то устойчивого универсального взгляда на значение. «Для большого класса случаев – хотя и не для *всех*, – где употребляется слово “значение”, можно дать следующее его определение: значение слова – это его употребление в языке» [12], утверждал он, чем ставил в тупик симпатизирующих ему интерпретаторов. М. Даммит, например, пишет следующее: «Я не мог бы отнести с тем уважением к его работе, которое имею, если бы не рассматривал его аргументы и прозрения как основанные на истинности его убеждения» [13].

То есть заявления Витгенштейна о локальности его работы, не претендующей на универсальную истинность выводов, на статус теории, дискредитируют те положительные результаты, те тезисы относительно значения, которые в данной работе содержатся. Тем самым Витгенштейн снова загоняет себя в порочный круг: если не иметь намерения зафиксировать общий отчет о значении языкового выражения, зачем тогда было продуцировать тезисы по проблеме следования правилу, которые ведь явно имеют универсалистские претензии, распространяющиеся на весь язык? Похоже, что в фиксации данной проблемы сходятся многие из исследователей

творчества австрийского мыслителя. Вот, что пишет, к примеру, П. Богосян: «Главная трудность, стоящая перед предполагаемым интерпретатором Витгенштейна, заключается в том, как примирить его отвержение субстантивных конститутивных отчетов относительно значения... с его очевидными конститутивными и трансцендентальными претензиями на анализ следования правилу» [14].

Оставляя в стороне указанные выше дополнительные трудности в интерпретации текстов самого Витгенштейна, снова обратимся к формулировке скептического решения, предложенной С. Крипке. Как уже сказано, по отношению к работе американского логика аргумент Патнэм звучит вполне убедительно. В рамках скептического решения утверждается, что значение формируется на основе конвенций сообщества, при этом само утверждение о таком статусе значения претендует на универсальность и объективность, оно представляет собой субстантивный отчет о значении. С точки зрения Патнэм, если бы значение действительно формировалось в виде конвенции, то никакое сообщество не смогло бы продуцировать референциалистский, субстантивный тезис о том, что значение формируется на основе конвенции.

Аргумент Патнэм вынуждает нас признать несостоятельность скептического решения проблемы следования правилу. И дело не только в пространных критических замечаниях о том, что антиреализм разрушает классические идеи знания и истины, вынашиваемые западной культурой со времен Античности, а именно такой контраргумент является наиболее распространенным по отношению к релятивизму всех мастей, столь модному в современной философии, – дело в том, что антиреалистская позиция просто эпистемически несостоятельна, в том, что невозможно, будучи последовательным и непротиворечивым в рассуждениях, утверждать такую позицию в качестве теории. Нам следует отправиться на поиски прямого решения скептической проблемы.

Поиски прямого решения: неудачи

Десятая глава монографии «Значение» П. Хорвича [15], одного из ведущих аналитиков, работающих сегодня в области теории значения, так и называется: «Прямое решение скептического парадокса Крипке». Квинтэссенция мысли Хорвича сосредоточена в следующем пассаже: «Так, Крипке утверждает, что мы имеем право сказать “Джонс подразумевает под ‘плюс’ сложение” всякий раз, когда мы имеем право утверждать, что его ответы более или менееозвучны с нашими, т.е. что его диспозиции

к употреблению этого термина соответствуют нашим. Другими словами, мы можем заключить, что Джонс подразумевает под “плюс” сложение, исходя из нашей уверенности, что его базовое употребление этого термина точно такое же, как и наше. Таким образом, условия истинности “с точки зрения теории употребления” для приписывания значения оправдываются (но ни в коей мере не устраняются) теми условиями утверждаемости, которые поддерживает Крипке» [16]. Здесь Хорвич говорит, что факты, относящиеся к условиям утверждаемости, сами по себе играют роль тех референтов, к которым отсылают условия истинности. Просто под истинными условиями здесь понимаются не факты природы или психические переживания субъекта, а факты корреляции субъектных диспозиций. Такой факт сам является фактом мира в некотором смысле, а потому может выступать основанием условий истинности суждения в привычной трактовке корреспондентной теории истины.

Так Хорвич пытается показать, что решение, предложенное Крипке, само является прямым. Думается, что данный вывод слишком поспешен. Скорее, Хорвичу удается найти еще один аспект, на основании которого ход мысли у Крипке можно назвать противоречивым: соглашаясь со скептиком в правомерности критики условия истинностной концепции значения, Крипке предлагает решение проблемы, основывающееся на этой же концепции. Это еще один аргумент в пользу неправомерности скептического решения. Однако отрицание такого решения еще не влечет за собой автоматически утверждение прямого выхода из проблемной ситуации. Прямое решение должно заключаться не в том, что мы показываем ущербность скептической позиции, а в том, что мы обосновываем нашу способность при вычислении $68+57$ подразумевать под «+» плюс, т.е. следовать правилу сложения.

Ф. Петти в работе «Реальность следования правилу» [17] сделал еще одну, достаточно подробно обсуждавшуюся среди специалистов, попытку дать прямое решение сформулированной Крипке проблеме, заявив: «Мы показали, во-первых, что тот факт, что конечное число примеров иллюстрируется бесконечным числом правил, не означает, что он не может представить определенного правила для данного субъекта...» [18]. Однако аргументация в защиту этого тезиса оказалась у Петти, прямо скажем, не блестящей, и еще более странными выглядят выводы, которые он делает в итоге: «...Предприятие следования правилу и все, что с ним связано, оказываются рискованными. Это предприятие основывается на случайности того, что определенные ответы могут оказаться корректными с определенной степенью

вероятности» [19]; «...Следование правилу не только рискованно, но и в определенном смысле интерактивно. Оно требует, чтобы следующий правилу субъект находился в позиции взаимодействия с другими носителями тенденции к действию...» [20]. Очевидно, что вероятность и интерактивность – это как раз те основные характеристики следования правилу, которые вытекают из скептического решения проблемы, прямое же решение должно утверждать неограниченную стабильность следования, без отсылок к сообществу.

Еще одно весьма показательное рассуждение демонстрирует Й. Бен-Менахем: «Я утверждаю, что с дескриптивной точки зрения отношение между правилом и его применениями является внутренним и как таковое неуязвимо для скептического парадокса» [21]. Данный тезис также претендует на то, чтобы являться прямым решением. При этом аргументация в защиту тезиса сводится к следующему. Не нужно говорить, что мы не можем ввести достоверное следование правилу и потому впадаем в полный произвол. Мы продолжаем говорить, что следование правилу, например, сложения имеет необходимый характер, обусловленный формулировкой правила. Но если скептик нам укажет, что формулировка правила не имеет необходимого характера, то мы тогда должны ответить: просто в этом состоит наше понимание-употребление термина «необходимый». Необходимый для нас – это релятивный с точки зрения скептика. Но это наше понимание необходимости, и нам его достаточно. Точно так же абсурдно спрашивать, почему богатым называется тот, у кого много денег, – да просто он так называется. Аналогично и употребление понятия «необходимость». Таким образом, по мысли Бен-Менахема, исчезает скептическое затруднение: мы и дальше говорим, что следуем правилу с необходимостью, но с необходимостью, понимаемой в особом смысле. В итоге Бен-Менахем заключает: «Парадокс, или скорее псевдопарадокс, – это симптом патологической тяги выйти за пределы языка, от которой Витгенштейн стремится нас излечить» [22].

Представляется, что аргументация Бен-Менахема не снимает скептической проблемы в формулировке Крипке. Ибо скептик у Крипке под необходимым следованием понимал такое, которое осуществляется в неограниченном количестве случаев. И вот по отношению к такому пониманию необходимости скептическая проблема остается. Бен-Менахем пытается ее решить за счет «споря о словах», за счет амфиболии. Он утверждает, что когда мы говорим о необходимом следовании, мы имеем в виду другое. Пусть будет так. Но ведь скептическая проблема была сформулирована в той

терминологии, в которой под необходимым понималось то, что понимает скептик, рассматриваемый Крипке. Следовательно, и решаться она должна в данном семантическом контексте. Крипке удивляется, что мы следуем правилу слепо. Бен-Менахем соглашается с этим, просто добавляет, что в нашей языковой практике мы такое слепое следование называем необходимым. Но это не ответ скептику, отвечая ему, Бен-Менахем говорит с ним на разных языках.

Выше были изложены известные нам попытки формулировки прямого решения, сделанные в литературе по проблеме следования правилу за последние 15 лет. Ни одна из этих попыток не является удовлетворительной. Поиск прямого решения следует продолжить.

Новая попытка

1. В чем все же состоит проблема? В существовании дефект-правила «сложение» или в неясности стандарт-правила «сложение»? Сформулируем точнее понятие сложения и основывающееся на нем правило.

Кстати, приводимые в энциклопедической литературе определения понятия сложения являются на удивление неясными: «Сложение – одна из основных арифметических операций. Результат сложения называется суммой. Сумма чисел a и b обозначается $a + b$, при этом a и b называются слагаемыми. Сложение чисел коммутативно: $a + b = b + a$, и ассоциативно: $(a + b) + c = a + (b + c)$. Операция, обратная сложению, называется вычитанием» [23]; «Сложение – арифметическое действие. Результатом сложения чисел a и b является число, называемое суммой чисел a и b (слагаемых) и обозначаемое $a + b$. При сложении выполняется переместительный (коммутативный) закон: $(a + b) + c = a + (b + c)$ » [24].

Во-первых, такие определения слишком широкие, ибо свойствами коммутативности и ассоциативности обладает не только сложение. Во-вторых, в данных определениях, по сути, не говорится, в чем именно состоит сама арифметическая операция. Наконец, в-третьих, в последнем определении вообще неверно указано свойство коммутативности.

Итак, сложение двух любых натуральных чисел a и b – это арифметическое действие, задающее движение по числовой прямой в правую сторону от точки a на b шагов, с шириной шага 1. Тогда понятие-директива «сложение» будет выглядеть следующим образом: распознавай предстоящее перед тобой конкретное действие как сложение в том случае, если оно

удовлетворяет следующим признакам, а именно: это действие, задающее движение по числовой прямой, и т.д. В конце концов, мы можем ввести правило употребления знака «+» в предложениях типа « $a + b$ »: распознавай предстоящее перед тобой конкретное действие как сложение в том случае, если оно удовлетворяет следующим признакам, а именно: это действие, задающее движение по числовой прямой, и т.д., – и всякий раз связывай в языке данное распознавание со знаком «+» [25].

Экстравагантный скептический аргумент Крипке заключался в формулировке понятия квожения, которое относительно настоящего определения сложения могло бы выглядеть следующим образом. Квожение двух натуральных чисел a и b – это арифметическая операция, задающая движение по числовой прямой в правую сторону на b шагов с частотой шага 1, но в случае, если значение a или b достигает 57, конечным пунктом движения по числовой прямой всегда является точка, соответствующая числу 5. Соответственно правило квожения гласит: распознавай предстоящее перед тобой конкретное действие как квожение, если оно удовлетворяет следующим признакам, а именно: это действие, задающее движение по числовой прямой, и т.д., – и всякий раз связывай в языке данное распознавание со знаком «+». В таком случае в выражении « $2+2$ » знак «+» оказывается двусмысленным. Употребление этого знака подпадает сразу под два правила.

Однако в тексте Крипке можно встретить очень примечательное сомнение, выдающее неуверенность автора в самой формулировке проблемы. Американский логик утверждает, что дело в фантомности, латентности дефект-правил. Их скрытое присутствие всегда оставляет возможность неопределенности. Тем не менее главные скептические аргументы в пользу неопределенности сосредоточиваются у Крипке вокруг самого определения понятия сложения. Он утверждает, что данное понятие содержит радикально неясный термин «любой»: сложение любых положительных чисел a и b – это арифметическая операция и т.д. По форме это известный аргумент *ad infinitum*. Мы говорим: любые положительные числа. Но что значит любые? Наше познание ограниченно, в течение нашей разумной жизни мы сталкивались только с конечным количеством чисел натурального ряда. Следовательно, и содержание понятия «любой» дано нам в качестве индуктивного обобщения нашего предыдущего конечного опыта. Возможно ли помыслить границу применимости данного термина? Теоретически это вполне допустимо. Предположим, что я в своей жизни всегда сталкивался с числами до 56, – они были для меня любыми. А вот число 57,

которое я встретил впервые, перестало подпадать под понятие «любой». Тогда получается, что само понятие сложения оказывается ограниченным, оно однозначно действует только для чисел, меньших 57, а после этого в силу может вступить какое угодно другое правило, основанное на другом понятии.

В итоге возникает двусмысленность в формулировке проблемы. В чем же, собственно, дело? В существовании фантомных дефект-правил или же в неясности самого стандарт-правила? Эта двусмысленность обнаруживается у Крипке прямо на одной странице текста. Сначала он пишет: «Тем не менее действительный тезис парадокса Витгенштейна, конечно, не состоит в том, что правило сложения каким-то образом *смутно* или оставляет некоторые случаи своего применения неопределенными. Напротив, слово “плюс” обозначает функцию, чье определение совершенно точно – в этом отношении оно *не* похоже на нечеткие понятия, выражаемые с помощью “большой”, “зеленый” и т.п. Суть состоит в очерченной выше скептической проблеме, что в моей голове остается неопределенным, *какую* функцию (плюс или квадрат) обозначает “плюс”, когда я использую это слово, что обозначает “зелёный” (зелёный или зелёный) и т.д.» [26]. Но уже несколькими строками ниже Крипке начинает сомневаться в своем первоначальном утверждении: «Хотя возможно, что смутность в обычном смысле входит в загадку Витгенштейна следующим образом: Когда учитель *вводит* для ученика такое слово, как “плюс”, если он не сводит его к более “фундаментальным”, ранее изученным понятиям, он вводит его посредством конечного числа примеров плюс инструкция: “Делай точно так же!” Последнее предложение действительно может рассматриваться как смутное в обычном смысле, хотя от него зависит наше схватывание наиболее точного понятия. Эта разновидность смутности тесно связана с парадоксом Витгенштейна» [27].

Более тщательное рассмотрение вопроса показывает, что дефект-правила на самом деле не способны сбить нас с толку и поставить непреодолимую скептическую проблему. Подтверждением этого тезиса могут служить следующие мыслительные эксперименты.

Представим себе, что мы начинаем движение от точки *A* по маршруту *AD* в соответствии со следующей схемой:

$$A—B—————C——D$$

Если в точке B нам задать вопрос, куда мы движемся, сможем ли мы с полной определенностью сказать, что нашей целью является D ? Очевидно, сможем, несмотря на то что в точке B , казалось бы, неразличимы пути AD и AC . При условии, что для нас четко определено местонахождение D (а ведь именно это и утверждает Крипке в аргументе первого типа: «...Слово “плюс” обозначает функцию, чье определение совершенно точно...» [28]), мы можем даже ничего и не знать о C , быть в неведении, может ли оно встретиться на нашем пути или нет, и вместе с тем, ничуть не колеблясь, мы окажемся способными ответить, что движемся по маршруту (т.е. в соответствии с правилом перехода) от A к D .

Допустим, мы отправляемся в космическое путешествие по маршруту Земля – Меркурий. При этом принятый коридор движения кораблей татков, что на Меркурий можно попасть только через Венеру. На Луне наш корабль останавливает космический патруль и задает вопрос: отдаем ли мы себе отчет в том, по какому маршруту движемся, ведь в данной точке пути маршруты Земля – Меркурий и Земля – Венера совпадают? На это мы вполне могли бы ответить: ввиду наших посредственных астрономических познаний мы не имеем никакого представления о Венере, о том, где она находится, и о том, какие еще маршруты космических кораблей проходят через Луну. Но нам доподлинно известен план, как добраться до Меркурия, и больше нас, собственно, ничего не волнует, – очевидно, что мы способны отдать себе отчет по какому именно маршруту движемся.

Так и в случае с правилом сложения. Если бы для нас был вполне ясен смысл фразы «сложение двух любых положительных чисел a и b – это арифметическое действие, задающее движение по числовой прямой...», то никакое фантомное квожение не могло бы нам помешать в вычислениях. Вполне допустимо, что существует функция, область значения которой совпадает с областью значения функции сложения, но в случае аргументов, превышающих 56, в ее области значения можно будет обнаружить только одно число – 5. Однако это нисколько не должно нас смущать при вычислении $2+2$, ибо мы установили, что знак «+» будет обозначать функцию сложения, которая для *любых* положительных чисел определяется вполне четко. Может быть, кто-то посчитает высказывание « $68+57=5$ » истинным, подразумевая под «+» квожение, – это допустимо, но главное, что мы, обращаясь к своей субъективности, обязательно расценим это высказывание как ложное, ибо, в противовоположность скептику, мы окажемся способными отдать себе отчет в том, что мы подразумеваем под «+».

Иное дело, если само правило сложения оказывается неясным. Ввиду того, что я усваиваю его индуктивно, на конечном количестве примеров, я не могу иметь абсолютно четкого понятия «любое число», а значит, не могу отдать себе отчет относительно той области определения, на которой действует функция сложения. Тогда и возникает проблема: я начинаю теряться, что именно я подразумеваю под знаком «+», каким будет мой следующий шаг в употреблении данного знака?

Та же ситуация возникает в нашем мыслительном эксперименте. Если сам маршрут Земля – Меркурий оказывается для меня неопределенным, если Меркурий отстоит на столь далеком расстоянии от Земли, что путь до него оказывается недоступным для обозрения, то на вопрос космического патруля на Луне о том, каким маршрутом я двигаюсь и способен ли я различить движение по маршруту Земля – Меркурий и по маршруту Земля – Венера, я уже не смогу дать определенного ответа. Я скажу, что Меркурий – это где-то там, где и Венера, может быть, эти маршруты вообще совпадают, а может быть, и нет, но пока их различия не даны мне в опыте, возможно, они проявятся в дальнейшем.

В итоге мы можем констатировать наличие весьма комичной ситуации. Те самые эпапажные примеры Крипке с дефект-правилами, которые, собственно, и принесли столь широкую известность его интерпретации Витгенштейна ввиду ее оригинальности, на деле оборачиваются лишь красочными риторическими фигурами, присутствие которых вовсе не обязательно для формулировки скептического сомнения относительно следования правилу. Главным аргументом скептика должен быть факт неясности стандарт-правила сложения, а не наличие дефект-правила квожения.

2. Однозначность употребления квантора всеобщности в математической индукции. По сути, основная проблема сосредоточивается вокруг квантора всеобщности. Мы говорим: для всяких (любых) натуральных чисел a и b операция сложения такова, что она будет задавать движение по числовой прямой от точки a в правую сторону на b шагов с частотой шага 1. Употребление квантора всеобщности здесь является, по логике скептического рассуждения, принципиально неясным: ввиду ограниченности познавательного опыта конечного существа невозможно, чтобы оно продуцировало необходимые суждения о бесконечном.

Однако в математике мы сталкиваемся по крайней мере с одним достойным внимания примером продуцирования суждений о бесконечном,

истинность которых не подвергается сомнению. Это те суждения, которые являются результатом так называемой математической индукции. Операция математической индукции тем более поразительна, что она, по сути, является разновидностью общей формы индуктивного умозаключения, по отношению к которой скептик и выстраивает критическую аргументацию. И тем не менее несмотря на то, что индуктивное умозаключение относительно, скажем, цвета яблок, когда мы их вынимаем из ящика, оказывается недостоверным, будучи распространенным на натуральный ряд чисел, оно становится неограниченно истинным.

Например, применяя метод математической индукции, мы можем утверждать, что выражения $1^2+2^2+3^2+\dots+n^2$ и $n(n+1)(2n+1)/6$ равны при любых значениях n . Во-первых, показывается, что данное равенство выполняется при $n = 1$. Во-вторых, предполагается, что данное равенство выполняется при $n = k$, и доказывается, что оно будет выполняться для $n = k+1$. Этот шаг нужен для того, чтобы обосновать, что при продвижении по числовому ряду вправо на единицу (неважно, с какого места) данное равенство будет сохраняться. И наконец, последний шаг представляет собой введение суждения с квантором всеобщности: при соблюдении вышеуказанных условий мы утверждаем, что данные выражения будут равны при любых значениях n . Почему мы можем быть уверены в любом n ? Потому что на место k может быть подставлена 1. При этом равенство данных выражений уже доказано как для 1, так и для перехода к $k+1$, т.е. для 2. Двигаясь по числовому ряду, мы можем на место k последовательно подставлять 2, 3, 4 и т.д. и всегда быть уверены в том, что для следующего за k числа равенство выражений сохранится. Так мы с полной определенностью продуцируем суждение о каком угодно большом n , для которого данное равенство всегда будет выполняться.

Все это говорит о том, что специфика построения натурального ряда, заданная аксиомами Пеано, такова, что она в самом деле допускает достоверные суждения с квантором всеобщности. Значимость такого вывода для эпистемологии трудно переоценить: арифметика действительно оказывается той специфической областью познания, где конечное по своим познавательным возможностям существо оказывается способным продуцировать суждения о бесконечном.

Если суждения с квантором всеобщности применимы к натуральному ряду чисел в случае операции математической индукции, то почему эту возможность надо отрицать в случае операции сложения? Операция сложения также применима к натуральному ряду чисел, и если мы признаем

однозначность и последовательность построения натурального ряда в соответствии с аксиомами Пеано, то мы должны согласиться с тем, что выражение «любые положительные числа a и b » в формулировке правила сложения является вполне осмысленным. Ибо даже в случае бесконечно удаленных от нашего конечного опыта чисел мы будем точно знать, что данная операция будет состоять в движении вправо сторону от точки a на b шагов с частотой шага 1 и никаких «провалов» на этой числовой прямой существовать не будет.

3. Что мог бы сказать скептик, рассматриваемый Крикье, об аксиоматике Пеано? «Непросто решить, на что именно наша математика стала бы похожа, если бы мы приняли эту “антропологическую” позицию. Могли ли бы аксиомы Пеано оставаться неизменными?» [29] – такой вопрос ставит М. Даммит, обсуждая воззрения позднего Витгенштейна. И данный вопрос здесь, в самом деле, оказывается наиболее уместным. Единственное, что остается скептику после того, как было установлено, что натуральный ряд чисел является такой специфической областью, которая допускает по отношению к себе суждения неограниченной степени общности, – это поставить под сомнение однозначность самого построения натурального ряда. Следует признать, что операция математической индукции, которая допускает осмысленное применение квантора всеобщности, сама оказывается основанной на предпосылке однозначно и последовательно построенного натурального ряда (хотя вопрос о статусе математической индукции оказывается не столь очевидным: известно, что данная операция является не просто следствием аксиом Пеано, но и, собственно, одной, а именно пятой, аксиомой, задающей построение натурального ряда, и тем не менее, можно сказать, что данная операция имеет в качестве предпосылки однозначную трактовку тех понятий, которые составляют как ее определение, так и определения остальных аксиом). Скептик может поставить под сомнение однозначность понятий, входящих в аксиоматику Пеано.

Например, скептик может усомниться в ясности понятия «следующее за». Вторая аксиома гласит: следующее за натуральным числом есть натуральное число. Но что значит «следующее за»? Идущее сразу после, имеющее перед собой только предыдущее число и ничего более? А что если понятие «следующее за» будет проинтерпретировано так, что оно подразумевает число, вслед за ним яблоко, а потом снова число? Мы овладевали содержанием понятия «следующее за» на конечных примерах. Мы

записывали 1 и говорили, что следующим за 1 является число, большее его на 1, т.е. 2, и т.д. Однако мы никогда не добирались до числа 56. Если бы мы сделали это, то далее, возможно, произошло бы вот что: вслед за знаком «56», который отсылает к числу 56, появился бы знак «57», который отсылает к яблоку, а потом знак «58», который снова отсылает к числу, а именно, к 58. Тогда следующим за 56 оказывалось бы число 58 (кстати сказать, вторая аксиома не указывает на то, что следующее за натуральным числом натуральное число должно быть больше предыдущего на 1). Скептик может поставить вопрос: вы, получившие представление о содержании понятия «следующее за» на конечном числе примеров, можете ли быть уверены в том, что однозначно будете трактовать это понятие для неограниченного количества случаев? Или можно было бы сформулировать данную скептическую проблему при помощи экстравагантных дефект-правил Крипке (помня о том, что суть дела заключается все же в неясности стандарт-правила). Допустим, что существуют два правила: «следующее за» и «кведущее за». Первое из них не допускает «провалов» в натуральном ряде, тогда как второе предполагает, что иногда между следующими друг за другом числами могут оказаться яблоки. Тогда скептик спросит: применяя термин «следующее за» по отношению, скажем, к числу 2, вы уверены в том, что обозначаете им понятие-правило «следующее за», а не ‘кведущее за’?

4. Патовая ситуация: *ex nihilo nihil fit*. Нам ничего не остается, как признать весомость данного скептического аргумента. Мы в самом деле можем усомниться в ясности понятий, составляющих аксиоматику Пеано, а потому и в однозначности построения натурального ряда. В этом смысле скепсис Витгенштейна-Крипке неискореним.

Однако проблема состоит в другом. Как ввести саму скептическую аргументацию? Чтобы сформулировать какую-либо теоретическую позицию, необходимо опереться на позитивное основание. Одно дело утверждать, что при допущении существования определенной предметной области мы можем сформулировать скептический аргумент относительно однозначности наших суждений об этих предметах, и совсем другое дело утверждать, что суждения о предметах не могут быть сформулированы однозначно, ибо сама предметная область оказывается иллюзией, она не существует. В последнем случае скепсис теряет смысл, ибо мы отрицаем существование того, по отношению к чему этот скепсис был выражен.

5. Решение. Признавал ли Крипке открыто несостоительность радикального скептицизма или же лишь интуитивно чувствовал, что данный ход мысли не позволяет сформулировать проблему? Так или иначе, скептическая аргументация американского логика опирается именно на позитивный тезис. Собственно, формулировка скептической проблемы и оказалась столь интригующей как раз потому, что Крипке утверждал невозможность следования определенному правилу в однозначно определенной заданной области, т.е. в области арифметики. Утверждая неспособность познающего различить, что стоит за знаком «+» в выражении « $68+57$ » – правило сложения или квожения, Крипке не ставит под сомнение то, что за знаком « 57 » стоит число 57 , а не яблоко. Если бы он усомнился в последнем, то скепсис относительно значения знака «+» просто потерял бы смысл.

Крипке признает однозначность построения натурального ряда и утверждает при этом, что мы не способны отличить друг от друга правила сложения и правила квожения в выражении « $68+57$ ». Вышеизложенные рассуждения показали, что это не так. При допущении однозначного построения натурального ряда чисел в соответствии с аксиомами Пеано мы способны отдать себе отчет в том что, употребляя знак «+», следуем правилу сложения. Тем самым, было представлено прямое решение проблемы следования правилу.

Примечания

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – М., 1994. – С. 163.
2. Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. – Томск, 2005. – С. 60.
3. См.: Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке.
4. См., например: Куайн У.В.О. Слово и объект. – М., 2000. – С. 290–291.
5. См.: Куайн У.В.О. Слово и объект.
6. См., например: Холт Дж. Так чья же всё-таки идея? // Философия науки. – 2004. – № 2 (21). – С. 117–118.
7. См.: Крипке С.А. Витгенштейн о правилах... – С. 65.
8. Там же. – С. 72.
9. Russell B. My philosophical development. – N.Y., 1959. – P. 216-217.
10. Blackburn S. The individual strikes back // Synthese. – 1984. – V. 58. – P. 294.
11. См.: Патнэм Х. Разум,стина и история. – М., 2002.

12. Цит. по: *Kripke C.A.* Витгенштейн о правилах... – С. 99.
13. *Dummett M.* The logical basis of metaphysics. – Cambridge (Mass.), 1991. – P. XI.
14. *Boghossian P.A.* The rule-following considerations // Mind. – 1989. – V. XCVIII, No. 392. – P. 544.
15. См.: *Horwich P.* Meaning. – Oxford, 1998.
16. Ibid. – P. 222–223.
17. См.: *Pettit P.* The reality of rule-following // Mind. – 1990. – V. XCIX, No. 393.
18. Ibid. – P. 13.
19. Ibid. – P. 16.
20. Ibid. – P. 17.
21. *Ben-Menahem Y.* Explanation and description: Wittgenstein on convention // Synthese. – V. 115. – 1998. – P.101.
22. Ibid. – P. 119.
23. *Иванова О.А.* Сложение // Математическая энциклопедия/ Гл. ред. И.М. Виноградов: В 5 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1984. – Т. 4.
24. *Математика:* Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Ю.В. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Больш. Рос. энциклопедия, 2000. – С. 546.
25. Подробнее о различии между понятием, понятием-директивой и правилом см.: *Ладов В.А.* Критика универсалистской семантики в теории значения Витгенштейна-Крипке / <http://huminf.tsu.ru/scince/publications/ladov/24.htm>.
26. *Kripke C.A.* Витгенштейн о правилах... – С. 79.
27. Там же.
28. Там же.
29. *Dummett M.* Wittgenstein's philosophy of mathematics // Dummett M. Truth and Other Enigmas. – London, 1978. – P. 182.

Томский государственный университет,
г. Томск

Ladov, V.A. The rule-following problem: the search for direct solution

The paper discusses the rule-following problem which was formulated in analytical philosophy tradition. Exposition of the problem, its direct and skeptic solutions are presented. Epistemic groundlessness of the skeptic position and insufficient validity of the available instances of direct solution are shown. A new way to solve this problem is offered.